

№ 108. (ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

Во стольном городе во Кееве,
Как у ласкового князя у Владимира,
Собирался у него там почестен пер,

481

- Почестен пер и пированьицо
5. На всех князей, на всех бóяров,
На всех сильных могучиих богатырей,
На всю полéницу уда́лую.
Все оны на пер тут собиралися,
Все они на перу да напивалисе,
10. Все они на перу да наедалисе,
Все естъ на перу пья́ны — веселы.
Ну тут говорит Владимир стóльнè — кеевской:
— «Ах друзья мои да вы дружинушка,
Сильни русьски могучи богатыри,
15. Все вы на пер теперъ посóбраны,
Все вы принакормлены, напоены,
Все вы на перу нынь пья́ны — веселы.
Солнышко идет на вечере,
Наш хорош — пригож почестен пир идет на вéсели.
20. Все вы на перу нынь пья́ны — веселы,
Ну уж вы думайте — тко думу, не продумайте,
Нам кого послать во землю во литовьскую,
Отвести туды да дани — выходы,
За все стáры годы да за нынешни,
25. За все прежни времена да й за досю́лешны,
И за все теперъ да за двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною.
Нам Олешеньку послать — он молодéшенек,
А Илью Муромца послать — старик старёшенек!»
30. Вот они сидят да закручинились,
Закручинились они да запечалились,
Запечаливши они да затуля́лися.
Бóльшой туля́ется на среднего,
А средний туля́ется на меньшаго,
35. А от меньшаго от брата — ответу нет.
С того ли со местецька со мёньшаго,
Со той ли скамеецьки окóльнèей,
Вставал старенький старик да старёшенек,

- А сединой старичок уж изукрашенный.
(Давно не сказывал, — годов пятнадцать!)
40. Подходит он ко князю ко Владимиру:
— «Ай же ты, Владимир — князь да стóльнѣ — кеевской,
Ты позволь мне — ка — ва словцо вымолвить,
Ты позволь мне — ка — ва словечко высказать.
Если я скажу от старости по глупости,
45. А тебе я, князь Владимир, не по совести,
Не казни — ка старика да за напрáсницу!
А ще есть у нас в перу теперь три мóлодца,
А що есть у нас в перу да три удáлины:
Есть теперь воéвод Василей — то Казíмеров, —
50. Другúх самы́ они повыскажут.»
Благодарил тут князь Владимир старика да за красны́ речú,
Скоры́м Владимир да поворот держал,
Строго он слугáм своим приказывал:
— «Ай же вы, мои слуги верные,
55. Вы налейте — тко мне чару зеленá вина,
Вы не малую стопú — да полтора ведра,
Ну и весу в ней кладите полтора пудá,
Вы подлейте эту чарочку сладкúм вином,
Вы подсыпьте — тко теперь да белым сахаром.»
60. Наливали эту чару зеленá вина,
Да не малую стопú — да полтора ведра.
В ю весу положили полтора пуда.
Подливали эту чарочку сладкúм вином,
Подсыпáли эту чару белым сахаром.
65. Берет князь Владимир во белы́ рукú,
Положил на подносы золоченыи,
Подносит ён Василью — от Казíмерову:
— «Ай же ты, Василей — от Казíмеров,
Стань — ка нынь на ноженьки на резвые,
70. Приупрись — ка на сапожки козловыи,
Ты бери — тко эту чарочку одной ручкóй,
Выпивай эту чарочку на единой здох!»
Ащо ставился Васильюшко на ноженьки на резвыи,
Приуперся на сапожки козловые,
75. Уж он крест кладет по — писáному
И поклон провел по — ученому.
Берет — то ён эту чарочку одной ручкóй,

- Выпивал ён эту чару на единой здох,
На ногах стоит Василей — не качается,
80. Говорит с князем — не мешается:
— «Благодарю я, Владимир стóльнѣ— кеевской,
На твоѣх на напитках медвя́ньных,
На твоѣх на закусках саха́рных.
Еду, еду я во матушку темnú орду,
85. Отвезу я туды дани— выходы
За все стары годы и за нынешни,
За все прежни времена и за досюлешны,
За всех кругом за двенадцать лет,
За двенадцать лет с половиною.
90. Только дай— ко ты ешшо да во товарищах
Мне смелого Добрынюшку Никитича!»
Скорым Владимир поворот держал,
Строго он слугам своим приказывал:
— «Ай же вы, мои нынѣ слуги верные,
95. Налейте— тко мне чару зеленá вина,
Не малую стопу́ — да полтора ведра,
Уж вы весу в ней кладите полтора пуда́,
Вы подлейте эту чарочку сладкым вином,
Вы подсыпьте эту чару белым сахаром.»
100. Наливали эту чару зеленá вина,
А не малую стопу́ — да полтора ведра,
В ней как весу положили полтора пуда́,
Подливали эту чарочку сладкым вином,
Подсыпáли эту чару белым сахаром.
105. Берет князь Владимир на белы́ ручки,
Положил на подносы золоченые,
- Подносит ён Добрынюшке Никитичу:
— «Ай же ты, Добрыня сын Никитинеч,
Ну— тка стань теперѣ на ноженьки на резвыи,
110. Приупрись ты на сапожки на козловые,
Ты бери— тко эту чарочку одной рукой,
Выпивай нынѣ эту чару на единой здох!»
Ставился Добрынюшка на ноженьки на резвыи,
Приуперся на сапожки козловыи,
115. Уж он крест кладет по— писаному,
Поклон провел по—ученому,
Берет он эту чарочку одной ручкóй,

- Выпивал ён эту чару на единой здох,
На ногах стоит Добрыня — не качается,
120. Говорит ён с князем — не мешается:
— «Благодарю я те, Владимир стóльнѣ — кеевской,
За твоѣ я за напитки медвяныи,
За твоѣ за закуски сахáрнии,
Еду — буду я во матушку темnú орду,
125. Еду — буду я Василью во товарищах,
Отвезем как мы туды дани — выходы
За все стары годы и за нынешни,
За все прежни времена и за досюлешни,
И кругóm за все за двенадцать лет,
130. И за двенадцать лет с половиною.
Только дай — ко нам ты во товаришшах,
Нам коней кормить — поить да их ухаживать,
Седлать, уздать и окольчуживать,
Уж ты дай — ко нам Иванушка Дубровиця!»
135. Скорым Владимир поворот держал,
Строго он слугám своим приказывал:
— «А що ай же вы, мои нынь слуги верныи,
Вы налейте — тко мне чару зеленá вина,
Вы не малую стопу — да полтора ведра,
140. И весу в ней кладите полтора пудá,
Подлейте эту чарочку сладкым вином,
Подсыпьте эту чару белым сахаром.»
Наливали эту чару зеленá вина,
Но не малую стопу — да полтора ведра,
145. В ней как весу положили полтора пудá,
Подсыпáли эту чару белым сахаром.
Берет князь Владимир во белы́ руку,
Положил на подносы золоченыи,
Подносит ён Иванушку Дубровицю:
150. — «А що ай же ты, Иванушко Дубровиць,
Стань — ко нынь на ноженьки на резвыи,
Приупрись на сапожки козловыи,
Ты бери — тко эту чарочку одной рукой,
Выпивай — ко эту чару на единой здох!»
155. А ще ставится Ванюшечка на ножки на резвыи,
Приуперся на сапожки козловыи,
Крест кладет он по — писаному,
Поклон провёл по — ученому.

- Берет он эту чару одной ручкой,
160. Выпивал он эту чару на единой здох,
На ногах стоит Ванюша — не качается,
Говорит он с князем — не мешается:
— «Благодарю я ти, Владимир стóльнѣ — кеевской,
За твоѣ я за напитки медвя́нныя,
165. За твоѣ я за закуски сахáрнии.
Еду — буду я во матушку темnú орду,
Еду — буду я Добрыни да Василью во товарищах,
Буду я коней кормить — поить да их ухаживать,
Их седлать, уздать и окольчуживать!»
170. Тут ведь скорым Владимир поворот держал.
Садился он да за дубовый стол,
Считал — то он бесчѣтну золоту казну,
Выбирал он тут дани — выходы.
Пораздѣрнули тут столы да все дубовыи
175. И пораздѣрнули скамеечки кленовыи,
Повы́стали три уда́лых дóбра мóлодца,
Повы́шли оны серед палат да белокаменных.
Крест кладут да по — писáному,
Поклон кладут да по — ученому,
180. На все стороны оне да поклоняются,
Князю — то Владимиру в особину,
Со княгиней — то оне, со Опраксией.
Подходит — то Василий ко дубову́ столу,
Берет он бесчѣтну золоту казну,
185. Спустил — то он казну да во глубок карман, —
Тут — то со палат три уда́лых добрых мóлодца отправились.
Пораздѣрнули они да двери на́ пету,
Повы́шли — то они да на широк на двор,
Два уда́лых добрых мóлодца, пошли к добрым коням,
190. А третий уда́лина остался на крылечке на перѣном.
Тут — от между собой оны да речь вели:
— «Как ехать нам, уда́лым, на темnú орду,
А где бы нам в чистом полѣ посьехаться?
Посьехаться у тово ли то у ка́мени у Лáтыря,
195. У тово ль теперь у дуба у Синявина,
На тых на трех дорожках на крестовых!»
Два уда́лых добрых мóлодца
Сели на добрых коней, поехали,

- А третий удалина пешом пошел,
200. Пешом пошел по городу по Кееву,
Уклонил теперь ён свою голову,
Ниже он плечь могучиих,
Утупил он очи ясные
Во матушку сыру землю.
205. Приходит он да к родной матушке,
Ко честной вдове Офимье Александровны,
Приходит он прикручинивши да и припечаливши.
Говорит ему родитель его матушка,
Да честна вдова Офимья Александровна:
210. — «Молодой Добрыня сын Никитинец,
485
Ты чего пришел со честна перу да прикручинивши,
Прикручинивши да припечаливши?
Местецко ль тебе во перу было не по любви?
Аль чарочкой тебя в перу да приобнесли?»
215. Аль пьяница — собака приоблаяла?»
Говорит — то тут Добрыня сын Никитинец:
— «Местецко было ми в перу по любви,
Чарочкой меня не обнесли,
И пьяница — собака не облаяла.
220. А только ты зачим меня, матушка, несчастного спородила?
И на сей на белый свет меня попустила?
Спородила бы меня ты, родна матушка,
Во синё морё бы камнем валучиим на глубоко дно, —
Лежал бы я там век по веку без шевелимости!
225. Или на морской берег меня да гоголиноцкой, —
Стоял бы я век по веку без шевелимости!
Или во чисто поле меня сырым дубом, —
Стоял бы я тут век по веку без шевелимости!»
Говорит ему тут родна матушка,
230. Честна вдова Офимья Александровна:
— «Ай же ты, рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец,
Рада бы была тебе я спородить
Силой я тебя в Илью Муромца,
235. Смелостью в Олешку Поповица,
Красотой в Самсона — богатыря, —
Так ну — ка бог не повелел!»
Говорит ему тут родная — то матушка,

- Та честна́ вдова Офимия Александровна:
240. — «Аще ай же ты, рожо́но родно дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец,
На кого же оставляешь ро́дну матушку?
На кого ты покидаешь молодú жену?»
Говорит — то тут Добрыня сын Никитинец:
245. — «Оставляю — ко я матушку я на́ бога́,
А молодú жену — вдовей, моя Настасья, трú годá.
А если трú годú не до́ждешьсе, —
Так жди меня и шесть годов.
А шести годов и до́ждешься, —
250. Так жди меня и деветь лет.
Девети годов и до́ждешьсе, —
Так жди меня и двенадцать год.
Двенадцать год не до́ждешьсе, —
Хоть вдовой живи, хоть замúж иди,
255. Хоть за князей иди, хоть за бо́яров,
Хоть за сильных могучих богáтырей.
А не ходи — тко за Олешку Поповиця, —
Олешка Поповиць мне крестовой брат.»
Идет Добрынюшка во глубóк погрéб,
260. Снимает он с себя платья цвётныи,
Надевает — то он военныи
И берет с собой поспехи молодецкии,

486

- Берет — то ён палицу булатную,
Берет — то ён копье да мурзамецкое,
265. Берет — то ён тугóй — то лук разрывчатый
С темá со стреламы со каленыма.
А берет — то на коня — то он напотницьки,
На напотницьки берет ён подпотницьки,
На подпотницьки берет ён мягки войлуцьки,
270. И берет — то он седёлышко черкальское
О двенадцати подпругах о шелко́выхи,
О двенадцати о пряжках золоченыи,
И о двенадцати шпинёцьках железных.
Подпруги — то шелко́выи,
275. Не простого они шолку — шаматынского,
Пряжечки теперь да золоченые,
Не простого они золота — червонного;
А шпинёцьки теперь да железные,

- Не простого — то железа есть — булатного.
280. На коня — то он берет уздечку золоченую
С тема поводáма со шелкóвыма.
Повышел — то Добрыня на широк на двор
Седлать — уздать он своего коня доброго.
Накладывал уздецьку золоченую,
285. Накладывал на коня — то он напотницьки,
На напотницьки — подпотницьки,
На подпотницьки — мягки войлуцьки,
На войлук клал седёлышко черкальское
О двенадцати подпругах о шелкóвыхих.
290. Он подпруги тут подтягивал, покрывал, —
Они только тянутся, да только не рвутся.
А пряжечки теперь да золоченыи,
Не гнутся они да и не ломятся.
Шпинёцьки жалеза есть булатного.
295. Хоть гнутся — то они, да тут не ломаются.
Видели только дóбра мóлодца, что он коня седлал,
А слышали его, что он наказывал,
Не видли — то ведь сýдуци
И с широка́ двора поедучи.
300. Со двора он поехал не воротыма,
Да и по городу поехал не дорогима, —
Переехал он через тыны́ дворовыи,
И переехал через стены городóвыи.
И повыехал в раздóлье во цистó полé,
305. Не буря ль в поле подымается, —
А добрый мóлодец да отправляется,
Он катом катит, так только пыль стоит.
Вот посъехались уда́лы дóбры мóлодцы,
В том — то ведь оны да во цистóм полú,
310. У того они у дуба у Синявина,
У того они у камня у Лáтыря,
На тях на трех дорогах на крестовых.
Они съехались да поздоровались,
Слезли тут оны с добрых коней,
315. Пораздёрнули шатры белополóтняны,
Принасы́пали пшены́ да белоя́ровой
Оны своим коням да добрым,
А самы оны, да дóбры мóлодцы, гулять пошли,

- Гулять пошли да по чисту́ полю́.
320. Тут оны между собой советовали:
— «Как нам ехать, как нам быть да во темну́ орду?
Нам торопиться быть туды́ да не́чего.
(Оны не скучали)
А поедем — ко мы в батюшко да Ярослав — горóд,
Говорят, — он стоит на горы́ да во всёй красоты́.
325. Заедем — ко мы да полюбуемся!»
Вот заехали оне да в Ярослав — горóд,
Побыли оне да в Ярослав — гóроди,
Ну всё — таки уж их путь призаежжая, —
Надо ехать во матушку во темну́ орду.
330. Вот они отравились уда́лы дóбры мóлодцы во темну́ орду.
Скоро скажется, да тихо деется.
Приехали оне да во темну́ орду.
Заехали оне да к Ботиáну да на широк на двор.
Соскочил — ко тут Добрынюшка с добра́ коня.
335. Воткнул — то он во матушку сыру землю́ да пику острую,
Привязали оне да трех коней да богатырских,
Самы оны во полатки белокаменны отправились.
Пораздернули они да двери на́ пету,
Зашли они в полатки белокаменны,
340. Крест кладут да по — писáному,
Поклон ведут да по — учоному,
На все стороны оне да поклоняются,
Князю Ботиáну да в особину.
Подходит тут Василей к дубову́ столу,
345. Положил он на стол да золоту́ казну.
Садился тут Ботиáн да за дубовый стол,
Считать — то он да золоту казну,
Золоту казну, да дани — выходы, —
Золота казна у них да поистрачена.
350. Вот тут Ботиáну эта шутка не слюбиласи:
— «Где у вас теперь казна да очутиласе?»
Говорит — то тут Василий тут Казíмеров:
— «Как у нашего у князя у Владимира
Приотсчитаны монеты были медныи,
355. А положены в телеги — те железныи, —
Телеги — то железны поломалисе,
А монеты на пути уж все осталисе!»
Ботиáну эта шутка не слюбиласе,

- Говорит—то Ботия́н да таковы слова:
360. — «Ай же вы, сильные русские могучие богатыри,
Вы уда́лы полену́цы нынь дородные!
Есть ли у вас во городе во Кееви,
Есть ли там у вас да доска шашечна,
Играют ли у вас да в шашки, в шахматы,
365. Забавляются ль в велёи золоченые?»

488

- Говорит—то тут Василей тот Казу́меров:
— «Есть у нас во городе в Кееви,
Есть там у нас доска шашечна,
Играют у нас там в шашки, в шахматы,
370. Забавляются в велёи золоченые, —
Но не знали мы утечи княженецкую,
Да не знаем мы забавы молодецкую,
А игроки у нас во Кееве оставлены!
Есть у нас с собой теперь да надеюшка:
375. На спаса пречистого и на мать пречисту богородицу
И на товарища, — на смелого Добрынюшку Никитича!»
Вот садились тут оны да за дубовый стол,
Играть—то тут оне ведь в шашки, в шахматы,
Забавляться тут в велёи золоченые.
380. Ботия́н тут залагает золоту казну,
А Добрыня залагает ко́ня доброго.
Вот играли оне тут да перву́ игру.
Со той с пути—дороженьки со дальней
Проглядел Добрынюшка ступе́нь да в до́ске шашечной,
385. Проиграл он да своего да ко́ня доброго.
Говорит Добрыня таковы речи:
— «Ах мы, сильнии могучии бога́тыри,
Уда́ла полену́ца мы дородняя,
А придется заложить нам буйны головы!»
390. Вот садились оны играть да во втору́ игру,
Ботия́н залагает золоту казну,
А Добрыня залагает буйну голову.
Во второй игры Добрыня поисправился,
Повыиграл себе да ко́ня доброго.
395. Вот садились оне играть тут третью́ игру.
Ботия́н залагает золоту казну,
А Добрыня залагает ко́ня доброго.
Играли они третью́ игру.

- В третьей игре Добрыня поисправился, —
400. Ботияну эта шутка не слюбилася,
Говорит — то Ботиян да таковы речи:
— «Ай же сильнии русьскийи могучии богатыри,
Вы удала поленяца да дородня,
Есть ли у вас во городе в Кееви,
405. Есть ли у вас в городе да из луков стрельба?
Стреляют ли у вас да по острею по ножовому,
Попадают ли у вас да в золотое кольцо?»
Говорит — то тут Василий — то Казимиров:
— «Есть у нас во городи во Кееви,
410. Есть у нас да из луков стрельба, —
Стреляют по острею по ножовому,
Попадают — то у нас да в золотое кольцо,
Но не знаем мы забаву княженицкою,
Но не знаем мы утехы молодецкою,
415. А стрельцы у нас во Кееви оставлены!
Есть у нас тепер с собою да надеюшка:
На спаса есть у нас тепер и на матушку пресвятую
богородицу,

489

- И на товарища, — на смелого на Добрынюшку Никитича!»
Вот начинают оне тут из луков стрелять.
420. Принесли да ведь тугой лук,
Принесли ему и стрелочку каленую.
Берет — то тут Добрынюшка ведь тугой лук да во белы руки,
Начал ён тут тетивки — ти натягивать,
А и начал тетивочки полапывать, —
425. Полапывал, полапывал, да вовсе и рзорвало.
— «Ай не дородная лученка есть, — поношена,
Поношена лученочка да брошена!»
Говорит тут Ботиян да Ботиянович:
— «Ай же вы, мои да слуги вернии,
430. Идите вы да во глубок погреб,
Принесите вы что не лучший княженицкой лук!»
Идут — несут лученочка на носилочках да шестеро,
Приносят — то так Добрынюшке Никитичу.
Берет — то тут Добрынюшка одной рукой,
435. Начинал ён тут тетивочки натягивать,
Начал ён тетивочки полапывать, —
А полапывал, полапывал, да вовсе и рзорвало.

- «А не дородная есть лучёночка, — поношена,
Поношена лучёночка, заброшена!»
440. Говорит — то тут Добрыня таковы слова:
— «Ай же ты, Иванушка Дубрович сын,
Сходи — тка ты теперь да на широк на двор,
К моему коню да ты ко доброму,
Ко правому булатному ко стремени,
445. Отстегни — ка ты лучёночка завозная,
Завозная лучёнка и дороженья.»
Шол Иванушка да на широк на двор,
Ко его коню да ко доброму,
Ко правому булатному ко стремени.
450. Отстегнул да вот лучёночка завозная,
Завозная лучёночка дороженья.
Несет ён в полатки белокаменные,
Захватил ён ошибочно да тетиночки, —
Да начали и струночки поигрывать.
455. Вот и стал тут Добрыня стрелять из своего лука.
Положил как ён тут стрелочку каленую,
Стрелил по острёю по ножовому,
И попал — то тут да он, Добрыня, да в золото кольцё.
Начинает нынь стрелять Ботиян да Ботиянович.
460. Первый раз стрелул — не дóстрелил,
А другой раз стрелул — перéстрелил,
А третий раз стрелул он — попасть не мог.
Ботияну эта шутка не слюбиласи.
Говорит — то Ботиян да таковы речу:
465. — «А есть ли у вас во городе во Кееви,
А есть ли у вас борьба да рукопашечка?
А борятся ль у вас да рукопашкою?»
Говорит — то тут Василий — от Казимеров:
— «Есть у нас во городе в Кееви,
470. Есть у нас борьба да рукопашечка,
Борятся у нас да рукопашкою, —
Только не знали мы забавы княженецкою,
Да не знали утехи молодецкою.
А борьцы у нас во Кееви оставлены!
475. Есть у нас теперь с собой надеюшка:
На спаса пречистого, на матушку пресвятую богородицу,
На товарища, — на смелого Добрынюшку Никитича.

Вот они выходят и борются на широк на двор,
Два уда́лых добрых мо́лодца с Ботия́ном на крылецько на
перёное,

480. А Добрыня Никитич спустился на широк на двор —
Бороться он с татаровам поганыма.
Пошли—ка тут татары да на широк на двор, —
В плечах—то у них да ведь коса́ сажень,
Меж глаз у них да ведь больша́ пядень,
485. А головы у них так что пивной котёл.
Пошли—то да на Добрыню они по одина́чке, —
Стал—то их Добрынюшка попихивать,
Стал—то их Добрыня потолы́кивать.
Пошли—ка на Добрынюшку тут по́—двою,
490. Пошли—ка на Добрынюшку тут по́—трою, —
Добрыня их отпихиваёт да оттолы́кивает.
Потом повалило силушку на двор что чёрна вóрона;
Тут видит Добрынюшка Никитинец,
Что дело—то приходит тяжелёшенько,
495. Схватил—то тут Добрынюшка татарина да за́ ноги,
Пошел ён тут татаринoм помахивать,
В одну сторону идет, — так свалит улицькой,
А сделает поворот, — так переулоцьком.
Жалко стало Василию Казимéрову тут товарища,
500. Что приустанет он бью́ци да татáру поганую.
Соскочил—то он прямо с крыльца перёного,
Повыхватил с телеги ось тележную,
Пошел тут осью он помахивать,
В одну сторону идет, — так валит улицу,
505. А сделает поворот, — так переулоцьком, —
И силушки в темной орды уж редко стаётся.
Говорит тут Ботия́н да Ботия́нович:
— «Ай же ты, Иванушка Дубрович сын,
Садись—ка ты теперь да на добра́ коня,
510. Успокой—ко ты своих да нынь товарищей,
Пуškai они оставят хоть на се́мена!»
Вот сaдился Иван да на добра́ коня,
Берёт—то он с собой храпы́ жалезные,
Не смел—то он заехать с лiчка белого,
515. А заехал—то Добрыне с плеч могучиих,
Накинул—то ему храпы́ жалезные.
Из хrap—то тут Добрынюшка повывернулся,

- Расходилась его сила богатырская,
Не мог — то он удержать храпамы — то жалезныма.
520. Заехал — то ён да тут вторичной раз,
- 491
- Накинул на ягó храпы́ жалезные,
Одержал ён тут Добрынюшку Никитича:
— «Ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Просит Ботиян Ботиянович
525. Оставить хоть татаровой на сэмена, —
А будет тут платить ён дани — выходы.»
Ну вот как тут поехал он к Василию Казимерову,
Не смел — то он заехать с личка белого,
А заехал ён ему да с плеч могучиих,
530. Накинул на ёгó храпы́ жалезныи,
Из храп Василий да повывернулся.
Вот заехал ён да во вторичной раз,
Накинул на него храпы́ жалезныи,
Одержал тут ён да своего товарища:
535. — «Ай же ты, Василий да Казимеров,
Украти — тко свою силу богатырскую,
Нас — то просит Ботиян да Ботиянович
Оставить — то татаровой на сэмена, —
Он составит нам теперь да угощение
540. Да будет нам платить да золоту казну, да дани — выходы!»
Вот тут они приехали к Ботияну Ботиянову,
Пили — то оне да угощались, на святую Русь да собиралися.
Их кормил — поил да Ботиян да Ботиянович,
Угощал — то их, как дорогих гостей,
545. Отсчитал — то им бесчёту золоту казну.
Что ж спросили — то они, так беззадёжно им.
Вот они тут сели, дóбры мóлодцы, на добры́х коней,
С Ботияном — то оне да распрощалисе,
А на святую Русь они да отправлялися.
550. Скоро скажется, да тихо деется.
А приехали они да на святую Русь,
На святую Русь да и под Кеев — град,
Ко тому ли оны ко дубу ко Синявину,
Ко тому ли оны ко камению ко Латырю,
555. Поставили оны своих — те коней добрых,
Пораздёрнули шатры белополóтняны,
Принасы́пали пшаны да белояровой

- Оне — то своим да коням добрым,
А сами — то удалы да гулять пошли,
560. Гулять пошли да самы речь вели:
— «А не поедем мы ко князю ко Владимиру,
Все одно он нам не делает угощения!»
Вот тут едут путём — дорожкой старенькие,
Впереди едут молоденькие.
565. Едут — то они из города из Кеева,
Едут — то оне да разговаривают,
Что двенадцать лет миновалось,
Уежжал Добрыня во чистое поле,
А теперь младая Онастасья замуж пошла,
570. За того, за кого у него да не приказалось,
Пошла она за Олешку за Поповича.
Дело делалось во пятницу,
- В субботу они ходили в божью церкву на оклики,
В воскресенье они уж принимают золотые венцы,
575. А повысватал Владимир стольнё — кеевский,
Не хотела она князя — то разгневати, —
Изменила она мужа наказанное.»
Вот услышал тут Добрыня сын Никитинец,
Про свое — то он семейство он невзгодушку.
580. — «Ну прощайте — тко мои да нынть товарищи,
Мне — ка некогда ведь больше здесь разгуливать!»
Позадёрнул тут Добрынюшка белый шатёр,
Да сядил он, Добрыня, на добра коня,
Да и в стольный Кеев — град Добрынюшка отправился.
585. Приехал ён во стольной Кеев — град,
Заехал ён ко матушке да на широкой двор.
Ко той к Офимье Александровне,
Запустил да он коня да в конюшеньку,
И пришел он во полатки белокаменны,
590. Крест кладет да по — писаному,
Поклон провел да по — ученому,
На все стороны да поклоняется,
Родной матушке да он в особину,
Поклоняется, не объясняется:
595. — «Здравствуй, здравствуй — ка, честна вдова Офимья
Александровна,
Со младой — то Настасьей Микуличной!»

- Говорит—то родитель его матушка,
Та честна́ вдова Офимья Александровна:
— «А же ты, детинушка да гусельщина,
600. Так и ль ты надо мной да надругаешься?
Так и ль ты надо мной да надсмехаешься?
Кабы знал то живое моё рожоное дитяtko,
Молодой Добрыня сын Никитинець,
Не дошло б тебе да надрыгáтися,
605. Не дошло б тоби да надсмехатися!
Как двенадцать лет у меня да миновалосе,
Как красное—то солнышко да укаталосе,
А нынь—то укатается да млад светёл месец, —
Младая Настасья замуж пошла!
610. Дело—то ведь делалось во пятницу,
Во субботу—то оны были в божьей церквы.
(На оклики)
А в воскресенье принимают золоты венцы!»
Берет—то он да золоты ключи,
Идет—то ведь Добрыня да во глубок погрёб,
615. Сымает он одёжицу военную.
Надевает он да плáтьё цветное,
Надевает он лапóтики на ноженьки семи шелкóв.
Берет—то он гусельшка под пазуху ярóвчаты,
Да на почёстен пер веселой скоморошинкой отправился.
620. Пришел—то скоморошинкой ён да на почёстен пер,
У дверей стоят да тут придвёрники,
У ворот стоят да приворóтники.
- «Да пустите—тко меня, крепку́ стóрожи,
Вы не гля—ради Олешки Поповича
625. И не гля—ради князя Владимира,
А гля—ради Добрынюшки Никитича!»
Отвечают тут ему да крепку́ стóрожи:
— «А у нашего Владимира спомянуто:
А кто Добрыню вспомнит, так убить—повесити!»
630. Помахнул—то ён рукой правою,
На правую—то руку повáлились,
А на левую на руку — расскóчились;
Ослабели—то тут на перу да крепку́ стóрожи.
Зашол—то тут Добрыня на почёстен пир,
635. Но места уж на перу скоморошьи попризаняты.

Досталось ему место на печке, на запеченьке,
На той простой сосновой скамеечке.
Вот сел тут играть Добрынюшка Микитинец,
Сел играть в гусельшки ярóвчаты.

640. Игры он — то играет от Царя — града,
Розыгрыши играет от Ерусóлима,
Да тут — то притягает стóльнёй Кеев — град.
Да тут — то есть притянут Владимир стóльнё — кеевской.
Да тут — то есть Владимиру — князю эта игра да

прилюбиласе:

645. — «Ну чем бы тебя наскори пожаловать?»
Говорит — то тут Добрыня сын Никитинец:
— «А не надо мини злата и ни сéребра,
Ни скатного — то мелкого жемчуга,
Золотой казны да дома бог послал!»

650. — «Ну дам я тебе за княженецким столом три места
любимьи:

Первое место — да протív меня,
Другое место — да рядóm со мной,
А третье место — где ти слюбится!»
Садился тут Добрынюшка Никитинец

655. Напротív он молодых людей да новожóнных.
Вот поднесли тут Добрынюшке да чарочку,
Не пил он своей чарочки,
А спустил — то во чару золотой перстень,
С котóрым с Настасьей обручались, —

660. Во дни он чары, как огонь горит,
Во верху он чары, как во ключ кипит.
Вот подносит ён Настасье да Микуличне:
— «Аще ай же ты, Настасья да Микулична,
Если хошь добра, — так ты пей до дна,

665. А не хошь добра, — так не пей до дна!»
Посмётил дело тут Олешка да Попович сын:
— «Ай же ты, калека перехожая,
Ай же ты, сума да переметная!
Не сдадим Настасье Микуличне

670. А твоей — то ведь чарочки прóшеной!»
Берет — то Настасья чарочку одной ручкóй,
Выпивала она да на единой здох,
Говорит она да таковы рецú:
— «Не тот мни муж, кто возлú сидит,

675. А тот мни муж, кто протѣв стоит!»
Не обходит она кру́гом дубовá стола,
А скачет она прямо через дубóвый стол,
Пала во ноженьки во резвыи,
Целовала во уста его сахáрнии:
680. — «Ай же ты, моя законная семеюшка,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
За мои — то ведь за рáзумы глупые
Сведи ты меня да во чистó полё,
Привяжи к жеребѣцям к неученым,
685. Пусть они растерзают мое мясо по чистú полю!»
— «Не дивúюсь я разуму женьскому,
А дивуюсь я братцу крестовому,
Смелому Олешке Поповицу,
Да еще я да князю Владимиру,
690. Князю Владимиру стóльнѣ — кеевскому, —
Свою — то жону так он сам . . . ,
А чужую жону — так людя́м дает!»
Берет — ко тут Добрынюшка Никитенец,
Берет — то он Олешку за желты́ кудри́,
695. Бросил — то он его да о кирпичной пол,
Хочет — то он стегнуть плетью́ шелкóвою,
Оддержали тут его да вся тут публика:
— «Аще ай же Добрынюшка Никитинец,
Не бей — ка ты Олешеньки плетью́ шелкóвоей.
700. А всякой — то на сем светú поженится,
Да не всякому женитьба удавается, —
А Олешке нынѣ женитьба неудачная!»
Со того стыдú со сраму со великого,
Садился Олешка на добрá коня,
705. Да и уежжал Олешка во чистó полё.
А берет — то Добрыня свою Настасью Микулишну,
Свою — то он супругу за белы́ руки́,
Да идут — то они да к рóдной матушки,
Ко честнóй вдовы Офимьи Александровной.
710. Вот узнала тут его да рóдна матушка,
Та честна́ вдова Офимья Александровна:
— «Аще ай же ты, рожóно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Когда ты приехал из темнóй орды,

715. Из темной орды да и сказался б мни,
Не так бы я тебе и встретила,
А лучше бы того да я провела!»
Ты и та былинушка покончилась.